

целостность и системную завершенность и реально утверждается в качестве осуществленной логицистской философии.

Итак, что касается логики и ее места в системе, то она, с одной стороны, является своеобразно "предзаданной" самой философской системе. Смысл данной предзаданности состоит в том, что логика вырабатывает понятия и категории философии, задает в "чистой" форме ее определения и тем самым фундирует целостное развитие философии. Поэтому без расшифровки "предзаданности" и ее реального содержания трудно понять замысел как системы в целом, так и ее "реальных" разделов (философии природы и философии духа). Но, с другой стороны, для понимания гегелевского толкования логики во всей ее полноте и глубине важно также принимать во внимание и сам процесс развития логики, ее диалектическое движение через сферы природы и духа. Ибо Гегель считает, что понятие науки, научного рассмотрения, - выработка которого собственно и является целью и высшим достижением логики, - "только во всей философии в целом" получает конкретное и адекватное доказательство и раскрытие. Гегелевская философия выступает, поэтому, как содержательная логицистская теория, имеющая своей целью диалектическое развитие и реализацию понятий и категорий логики. Логика в этом смысле есть для Гегеля не только парадигма системы, но и ее собственное спекулятивно-диалектическое содержание. Ее специфический замысел и проблемный смысл Гегель раскрывает, как мы попытались показать, через развертывание своей концепции абсолютной субъективности, через осуществление (точнее, самоосуществление) субъективности в мире и в самой философии.

176

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге мы попытались реконструировать тот смысловой контекст, который определяет проблемное содержание философской системы Гегеля.

Основной критической интенцией гегелевского философского творчества, порожденной, в первую очередь, нерешенными задачами и трудностями немецкого идеализма, стала критика метафизики. Ее важнейшим измерением и целью была позитивная программа, которая состояла в попытке построения послекантовской метафизики в качестве науки. Выступая против гегелевской критики метафизики, гегельянцы ставили под сомнение саму ее возможность. Аргументируя свое утверждение, они указывали, что в ней якобы требовалось оправдывать спекулятивное абсолютное мышление, исходя из конечного мышления разума. Такое возражение базировалось на допущении существования спекулятивного мышления; последнее оказалось для них уже предположенным, преданным, и потому его наличие не требовало никакого обоснования. Гегелевский подход, однако, в корне отличен. Гегель видел свою задачу в том, чтобы, вопреки философской

традиции,- которая исходила из конечного мышления и именно его рассматривала в качестве принципа науки, настаивая при этом на достоверности формальной логики,- развить принцип абсолютного мышления и, положив его в основание теоретического движения, показать, как происходит развертывание спекулятивной науки. Осуществлением этого замысла, собственно, и стала гегелевская философская система логицизма, разделы и элементы которой, часто анализируемые в критической литературе без соответствующих метафизических пояснений, метафизически обоснованны. При этом основополагающим принципом развертывания спекулятивной науки выступает для Гегеля метафизический (в смысле метафизики немецкого идеализма) принцип субъективности, а основополагающая концепция гегелевской философии представлена в рамках идеалистической теории субъективности с ее программой построения систематической истории самосознания.

Однако нельзя понимать дело так, будто Гегель лишь унаследовал и последовательно развил намеченную Кантом и теоретически сформулированную Фихте и Шеллингом программу. Гегель разработал принципиально новую концепцию субъективности, в рамках которой стало возможным решение проблем и трудностей немецкого идеализма.

177

Его концепция отличается от всех прежних своим спекулятивно-диалектическим содержанием; в ней акцентируются моменты имманентной активности и самостоятельности субъективности, диалектической связи ее субъект-объектных форм и единства субъектсубъектного содержания. Гегель выдвигает принципиально новое понимание субъективности: субъективность определяется теперь не через отношение к противоположной ей объективности, а как формирующаяся только через и в связи с другой субъективностью. Субъективность конституируется и развертывается не -в рамках субъектобъектной реляции, представляющей суть парадигмы нового времени и немецкой классики до Гегеля, в внутри субъект-субъектного отношения, составляющего проблемный центр и сущность философии XX в. Гегель не только формирует идею интересубъективности, но делает ее центральным элементом своего философского учения: приписывая моменту интересубъективности логическую необходимость, он разворачивает целостную теорию абсолютной субъективности, которая реально предстает в качестве спекулятивной логики, венчающей развитие гегелевской философской системы.

При этом целостный процесс развертывания системы может быть понят только как результат долгого, во многом противоречивого развития философских идей, состоящего из многочисленных, по-разному мотивированных этапов и теоретических переломов. Но общим мотивом, единой идеей, объединяющей все теоретическое движение, служит поиск

принципиально нового концептуального содержания субъективности, которое могло бы стать основанием развертывания всей философской системы. Такой принцип Гегель находит в понятии абсолютной субъективности и диалектически развивает его в терминах спекулятивной логики.

Наш подход позволяет увидеть в основе неоднозначности и противоречивости гегелевского толкования места и смысла феноменологии и логики в философской системе глубоко продуманное концептуальное единство. Рассмотренные сквозь призму гегелевской теории субъективности, феноменология и логика оказываются не только этапами и ступенями в развертывании проблематики субъективности, но каждая из них предстает одновременно в виде самостоятельной и своеобразной концепции субъективности, с помощью которой Гегель решает конкретные трудности и проблемы, сформулированные в историко-философской традиции, и одновременно намечает новые векторы философского движения.

Таковы основные итоги проведенного нами исследования. Разумеется, оно не может претендовать на всеобъемлемость и полноту рассмотрения предмета. И это связано как с масштабностью самой темы, так и с фундаментальностью задач, направленных, по сути дела, на осмысление целостного содержания гегелевской философии, ее основополагающих проблем.

178

Но все же хочется надеяться, что наше исследование позволило, хотя бы отчасти, выявить новые оттенки содержания замысла, более адекватно понять внутреннюю логику развертывания гегелевской системы, увидеть в гегелевских размышлениях те реальные проблемы и идеи, которые и сегодня остаются предметом философских дискуссий. Чем, собственно, и объясняется столь длительная теоретическая привлекательность и актуальность философского учения Гегеля.

179

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор как была написана настоящая монография, прошло уже несколько лет. В Послесловии важно кратко обозначить те вопросы и проблемы, которые, будучи связаны с тематикой книги, представляются автору наиболее значимыми, и в силу этого оказались в центре его внимания в последние годы. При этом подчеркнем, что выдвигаемые в книге тезисы, и то, как в ней развертывается их содержание, автор разделяет в главном и основном и сегодня. Однако необходимо сделать ряд важных дополнений, в особенности к вопросу о гегелевском толковании субъективности и его концептуальном развертывании.